

Элва Крейчи

Прага, Чехия

ОТОБРАЖЕНИЕ ОБРАЩЕНИЯ ЦЕНТРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА ЛАТВИИ В ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ РОССИИ

1. Введение

Языковая ситуация и языковая политика в странах Балтии привлекают значительный политический и академический интерес. Получив свою независимость после распада СССР, эти страны настояли на принятии их языков единственными официальными государственными языками. Несмотря на значительное количество населения стран Балтии, которое не владело государственным языком, были реализованы инициативы языковой политики – требования к натурализации, языковая аттестация персонала в общественной и частной сфере, адаптация образовательной системы (введение билингвальной модели образования в русскоязычных школах в 2004 году; постепенный перевод образования на латышский язык, начиная с 2009/2010 учебного года). Ситуация получила разнородную оценку. Языковая политика стран Балтии подвергалась строгой политической критике в научных работах. Ситуация позиционировалась как дискриминация и отклонение от международных принципов языковой политики. Центр государственного языка Латвии (ЦГЯ) является одним из учреждений, которые обеспечивают реализацию Закона о государственном языке. О ЦГЯ писали несколько авторов. У самого центра вышла публикация “Valodas politikas īstenošana Latvijā: Valsts valodas centrs 1992–2002” (“Осуществление языковой политики в Латвии. Центр государственного языка 1992–2002”). Насколько известно, подробный анализ обращений ЦГЯ не проводился, как не проводился и анализ отображения этих обращений в СМИ.

В своей статье я анализирую 20 статей в СМИ России, которые освещают обращение Центра государственного языка Латвии с призывом говорить на рабочих местах на латышском языке. Временные рамки материала – три дня 19 по 22 января 2015 года. Этого достаточно, чтобы наглядно показать интерпретацию события и выявить языковые средства, которые трансформируют обращение в запрет.

В 2018 г. – в год столетия Латвии – все еще остается актуальной проблема дезинформации. Рассматриваемый нами случай освещает типичные отправные точки для создания ложных новостей, а также свидетельствует о создании языковой идеологии в Интернете. Целью данной статьи является отображение деформации обращения ЦГЯ об использовании государственного языка на рабочих местах в СМИ России, где при помощи манипулятивных техник происходит подмена содержания. Для анализа проблематики необходимо вначале описать контекст – историю и функции ЦГЯ, историю обращения ЦГЯ, дать характеристику языковой ситуации в Латвии и языковых установок населения. Далее следует анализ 20 статей СМИ России на основе феноменологического подхода.

2. Языковая политика и языковое планирование

Языковая политика и языковое планирование впервые появились как предмет академического исследования в эпоху национализма. Языковое планирование являлось неотъемлемой частью процесса создания государства. Язык мог определять этническую принадлежность, а также способствовать борьбе за независимость в качестве доказательства существования отдельного государства, поэтому актуальными вопросами являлись кодификация, стандартизация и распространение единого языка (Blommaert 2006: 241; Wright 2016: 9). Именно это послужило причиной возникновения языковых

идеологий, которые определяются как «социально и культурно включённые металингвистические концептуализации языка и его употребления» (Blommaert 2006: 241). Идеологическая предпосылка, что общество монолингвально, отрицала языковое разнообразие, формировала предписанные идентичности (Blommaert 2006: 245).

После Второй мировой войны появилась проблема концепции одного языка, государства и народа. Национальное государство, существование которого не позиционируемо а priori, рассматривается как особенное соединение нации и государства. Эти понятия во многих случаях не приравниваемы друг к другу. Часто национализм не связан с государством, а наоборот, направлен против него, что может создать новые государственные структуры (там же: 239). Появился интерес к философии и стратегиям формирования государства, а также необходимость языковой политики и языкового планирования (Wright, 2016: 10). В исследовании языковой политики и планирования были определены три вида основополагающих факторов: макро-социополитические, эпистемологические и стратегические. К макро-социополитическим относились события и процессы на национальном или государственном уровне, например, войны и миграция. Эпистемологические факторы представляли собой «парадигмы знаний и исследований», например, структурализм и постмодернизм в социальных и гуманитарных науках. В свою очередь, в стратегических факторах заключались причины исследования (Ricento 2000: 196–197).

В первой фазе языкового планирования выделялись три центральных элемента: деколонизация и формирование государства (на макро-социополитическом уровне), превалирование структурализма в социальных науках (эпистемологический уровень) и уверенность в решаемости языковых проблем. На ранней стадии развития языкового планирования развивались грамматики, письменные системы и словари, языковые типологии и модели языкового планирования. Большое внимание уделялось функциям языка большинства и функциям местного языка. У западных лингвистов распространялось мнение о языковом разнообразии как препятствии для национального развития, ему противопоставлялась языковая однородность – только развитые языки могли выполнять функции государственного языка (Ricento 2000: 198).

Вторая фаза языкового планирования (начало 1970-х – конец 1980-х) была охарактеризована как критика языкового планирования (Ricento 2000: 203; Hornberger 2006: 27), и исследователи были вынуждены пересмотреть свои описательные модели языкового планирования. Haugen (1983: 274) расширил свою модель выборки (формальная роль языка в обществе), кодификации (форма языка), развития языка (функциональная роль языка в обществе) и оценки (selection, codification, implementation, evaluation). Первая типология планирования корпуса языка и статуса языка была создана Х. Клоссом (1969). Через двадцать лет эта типология была дополнена планированием овладения языком (acquisition planning), основная проблема категории – распространение языка, а также симбиоз формы и функций языка с его пользователями (Cooper 1989: 33; Hornberger 2006: 28). Hornberger (2006: 29, 32) дополнила модель Хаугена, создав таким образом модель языковой политики и планирования: матрицу с параметрами из типов (статусное планирование, корпусное планирование, планирование овладения языком) и подходов к языковому планированию и целями, которые определяют диапазон выбора в рамках данных параметров. Структура служит доказательством, что вне зависимости от цели планирования языка их лучше реализовать в нескольких измерениях.

Одним из значимых факторов второй фазы языкового планирования был провал политики модернизации. Некоторые исследователи обратились к проблемам социального, экономического и политического влияния языковых контактов. Сложность и идеологическая нагрузка таких концептов как диглоссия, билингвизм и мультилингвизм стала более ощутимой. Выбор разных языков и вариантов в языковом планировании оказал влияние на разные языки коренных народов и их носителей (Ricento 2000: 203).

Третьей фазе свойственны процессы массовой миграции, глобализация, повторное появление этнических идентичностей и языков, чему способствовали географические и политические перемены. Распад СССР повлиял на статус и жизнеспособность языков. В языковой политике особое внимание стали уделять лингвистическим правам человека и роли идеологии. Была сформулирована новая модель экологии языка – языковое разнообразие, предоставление лингвистических прав носителям всех языков и способствование мультилингвизму, изучению иностранных языков (Philipson, Skutnabb-Kangas 1996: 429; Ricento 2000: 206; Hornberger 2006: 34). Феномен глобализации, который исследователи отличают от интернационализации (Giddens 1998: 137; Oakes 2005: 154), вызвал разнородные реакции: прогноз языковой однородности (влияние западной культуры и, возможно, американизация), гибридизацию языка и критику (Oakes 2005: 155).

Традиционная типология наций различает два основных типа: гражданская и этническая нация. Последняя основана на принципе *jus sanguinis* как расширение этнической группы (Oakes 2001: 12). Гражданская нация, в свою очередь, не объединяется общими чертами языка и культуры, не отдает предпочтение традициям и обычаям определенной культуры и основана на принципе *jus soli* (Oakes 2001: 12; Stilz 2009: 257). Целью государства при гражданской нации не является защита или пропаганда только одной культуры. По мнению Ю. Хабермаса, новые иммигранты в либеральном государстве не должны ассимилировать культуру большинства, достаточно лишь принять конституцию (Habermas 1998: 228; Stilz 2009: 257). Понятию «гражданский национализм» во взглядах на политическую идентичность противопоставлен «либеральный культурализм», в основе которого лежит привилегия определенных национальных культур, исторически связанных с территорией (Stilz 2009: 259). Stilz (2009: 272) предлагает ввести «модель наименьших затрат» (*least cost model*), в которой государства должны мотивировать граждан интересоваться языками меньшинств, поскольку это выгодно с экономической и административной точки зрения. Модель является узко адаптированным подходом к поощрению изучения языков и не позиционирует привилегии для определенных культур по историческому принципу (там же: 291). Schiffman (2006: 112, 121) утверждает, что языковая политика связана с языковой культурой, определяемой как совокупность идей, ценностей, убеждений, отношений, предубеждений, мифов, религиозных запретов и другого культурного багажа. Язык является главным проводником в создании и передачи культуры.

Языковая политика является манипулятивным инструментом в противостоянии различных идеологий. Манипуляции происходят на нескольких уровнях в отношении законности использования и изучения языков, а также их формы (Shohamy 2006: 45). Выделяются механизмы, формирующие языковые идеологии: законы, правила, уставы, стандартизация и официальность; политика языкового образования; языковые тесты как отрасль языкового образования, а также средство политики, влияющее на языковую практику, язык в обществе (там же: 57). Мощным пространством для языковых дискуссий является Интернет – это доминирующий механизм в формировании языковых установок и практик (там же: 128).

Языковая политика на постсоветском пространстве привлекает значительный политический и академический интерес, об этом свидетельствуют работы Druviete (1998, 2010, 2013), Hogan-Brun et al. (2007), Ozoliņš (1999, 2011), Pavlenko (2008). В монографии Hogan-Brun et al. (2009) демонстрируются изменения языкового режима в странах Балтии в течение двадцати лет независимости, а также освещаются вопросы двуязычия и многоязычия. После распада СССР русский язык потерял статус титульного языка, и языковое планирование на территории бывших стран Советского Союза диаметрально изменилось – определились новые цели: языковая ассимиляция и деруссификация. Язык в странах Балтии стал основным средством и символом для воссоздания идентичности (Shohamy 2006: 29). Большое количество монолингвальных русофонов, русифика-

ция автохтонного населения, функция русского языка как *lingua franca*, ограничения титульного языка – все это значительно осложнило введение нового титульного языка (Pavlenko 2008: 9). Druviete (1998: 80, 141) выделяет этнополитические и этнолингвистические процессы, связанные со статусом русского меньшинства и русского языка, а также отмечает, что русский язык является общим языком иммигрантов и аллохтонного населения, но не языком уникального меньшинства. Новая языковая политика вызвала сопротивление в разнообразных формах (Shohamy 2006: 69). Ozolins (2013: 3114) утверждает, что проблема конкуренции между неравноправными языками в Латвии, Литве и Эстонии будет постоянной.

3. Языковые установки

Отношение является традиционным понятием в социальной психологии, которое расширяется до остальных научных дисциплин. Отношением в социальной психологии обозначается склонность или тенденция оценивать что-то положительно либо отрицательно. В современной социолингвистической теории термином *языковые установки* обозначают «комплекс субъективных факторов, который характеризует особенности восприятия языка, отношение к разным языкам и мероприятиям по регулированию языковой ситуации государственных или общественных учреждений» (Skujīņa et. al. 2007: 218). Языковые установки определяют способность субъекта сопротивляться лингвистической ассимиляции и являются важным фактором в конфликтных ситуациях. На языковые установки влияют этническое происхождение, среда, в которой находится индивидуум (социальная, географическая среда), СМИ, образование, религиозные убеждения, политическое отношение, возраст, пол и другие (Druviete 2013: 400). Языковые установки и лингвистическое поведение являются слабейшим местом в языковой политике Латвии (Valdmanis 2012: 299).

По данным Data Serviss (2009), позиции латышского языка в большей мере ослабляют не отсутствие у национальных меньшинств навыка использования или нежелание пользоваться латышским языком, а именно языковые установки самих латышей. Латышское общество слишком легко отказывается от своего языка в повседневных ситуациях. Только 32% указало, что используют латышский язык всегда или почти всегда, обращаясь к представителям других национальностей. Согласно социологическим данным, среди 18-летней латышской молодежи владение русским языком высокое – 80%. Как указано в исследовании Агентства латышского языка, в лингвистическом пространстве Латвии чаще всего именно латыши являются теми, кто приспосабливается к русскоязычным собеседникам, и эта тенденция сейчас является одной из актуальнейших проблем в расширении употребления латышского языка (LVA 2009, цит. по Valodis et. al. 2011: 65–66). Латыши в смешанных семьях, где муж или жена русскоязычные, латыши в русскоязычном коллективе лингвистически ассимилируются в два раза чаще, чем русофоны в латышском коллективе. Большинство представителей национальных меньшинств Латвии (а это около 53,9%) лингвистически ассимилировались в русскоязычном коллективе (Baltiņš et. al. 2007: 141–142). Только 47% русофонов признали, что они уважают и соблюдают требование, согласно которому в государственных учреждениях и самоуправлениях коммуникация и оформление документов осуществляется на латышском языке.

Отношение русского меньшинства к языку своего этноса в течение последних лет значительно изменилось. Это объясняется осуществляемой языковой политикой Латвии – повышение латышского этнического самосознания и улучшение языковой компетенции своего этноса (Baltiņš et. al. 2007: 127). Социолог Volkovs (2000) отмечает, что у большинства русской молодежи есть языковая идентичность, а языковая принадлежность тех, кто считают русский язык своим родным, является важнейшим фактором национального самосознания, что даже значительнее фактора этнического.

1 мая 2004 года Латвия стала членом ЕС. Это обеспечивает развитие латышского языка, гарантирует статус одного из официальных языков ЕС, способствует развитию терминологии и увеличению объемов переводов. Одновременно увеличилась текучесть рабочей силы, что прямо и опосредованно влияет на развитие языка и его употребление. По данным опроса Агентства латышского языка, одна из отрицательных тенденций – ограниченное употребление латышского языка в частном предпринимательстве, особенно в сфере услуг (LVA 2009, цит. по Balodis et. al. 2011: 65–66).

4. Характеристика языковой ситуации в Латвии

После наступления независимости наблюдался феномен ассиметричного билингвизма, когда автохтонное население стран Балтии должно быть билингвальным, чтобы функционировать в обществе, то есть использовать свой язык и русский (Ozoliņš 2011: 38). Skutnabb-Kangas (1994: 178) отмечает ироничность ситуации, при которой каждый из языков может быть одновременно языком большинства и меньшинства: “Russian is thus majorized minority language (a minority language in terms of numbers, but with the power of a majority language), whereas the Baltic languages are minorized majority languages (majority languages, in need of protection usually necessary for the threatened minority languages)” (цит. по Hogan-Brun et al. 2007: 594). Из-за исторических событий ситуация с использованием русского языка в Латвии приобрела определенные политические коннотации, что проявляется как основной элемент лингвистического отношения и не может быть проигнорировано при анализе языковой ситуации и разработке языковой политики.

Русские являются крупнейшим национальным меньшинством в Латвии. Русскоязычная община существует непрерывно на территории Латвии со второй половины XVII века, но классический социальный билингвизм в коллективе латышского языка появился лишь в 1950-х–1990-х. В период с 1940 до 1990 г. в Латвии количество русских меньшинств возросло как минимум в 4 раза (русские в Латвии в 1935 году – 168 266, количество русских в 1989 году 905 515) (Centrālā Statistikas pārvalde 2015), проводилась политика, направленная на русификацию населения Латвии (Hogan-Brun et al 2009, Druviete 2010). По данным последней переписи населения, русские составляют 26,9% населения Латвии (556 422 жителей) (Centrālā Statistikas pārvalde 2015). Чтобы осознать реальные позиции латышского языка, необходимо анализировать его употребление в определенных социолингвистических ситуациях. Если в государстве или на территории распространен социальный билингвизм, употребление языка в сферах, важных для языковой конкуренции, «отображает фактическую иерархию, которая может и не соответствовать юридическому статусу языков» (Druviete 2013: 396).

Описывая социолингвистическую ситуацию в Латвии, И. Друвиете пишет, что «у языковых законов в Латвии двойная зависимость – с одной стороны они должны строго основываться на языковой ситуации в стране, так называемой реальности, с другой стороны их функция изменить эту реальность согласно перспективной модели внутренней политики государства. У лингвистических меньшинств Латвии намного больше прав, чем в большинстве других стран и у нас есть законное основание для защиты коллективных прав говорящих на латышском языке» (Druviete 1997). По мнению Друвиете, критика языковой политики в Латвии приравнивается к попытке русофилов остаться монолингвами в стране с другим государственным языком (Druviete 1998: 150).

5. Закон о государственном языке

Согласно основным положениям государственной языковой политики, «Латышский язык является государственным языком Латвийской Республики и языком интеграции общества, это основа национальной идентичности и часть разнородного культурного наследия мира. Поэтому Латвия ответственна за сохранение и развитие латышского языка перед теперешним и будущим поколением латвийского и мирового общества. Это

входит в компетенцию Латвии, поскольку Латвия – единственное государство в мире, которое ответственно за сохранение латышского языка» (Ministru kabinets 2014).

Первое публичное упоминание о предоставлении официального статуса латышскому языку произошло в 1988 г. В 1992 г. латышский язык получил статус единственного официального языка. Через семь лет был принят Закон о государственном языке (Valsts valodas likums) (Priedīte 2008: 410). Его цель – обеспечить сохранение, защиту и развитие латышского языка; сохранение культурного и исторического наследия латышского народа; права свободно употреблять латышский язык в любой жизненной сфере на всей территории Латвии; включение национальных меньшинств в общество Латвии, учитывая их право употреблять родной язык или другие языки, увеличение влияния латышского языка в культурном пространстве Латвии, чтобы способствовать интеграции общества. Государственным языком в Латвийской Республике является латышский язык. Согласно пятой статье языкового закона, любой иной употребляемый на территории ЛР язык, кроме ливского, принято считать иностранным¹.

Необходимо отметить, что государство может регламентировать употребление языка только в общественных или публичных функциях. В Законе о государственном языке определено: «Закон не касается употребления языка в неофициальной коммуникации жителей Латвии, внутренней коммуникации национальных и этнических групп, а также богослужений, церемоний, ритуалов религиозных организаций и других религиозных действий» (Valsts valodas likums 1999).

В теории языковой политики не разработана единая и всеми признанная классификация сфер употребления языка. В социолингвистических исследованиях традиционно отделяются нерегламентированные государством области (семья, быт и неформальное общение, религиозная жизнь), частично регламентируемые области (культура, образование и наука, область транспорта и связи, производственная область), а также есть области, где Закон о государственном языке устанавливает монополию латышского языка (государственные органы и административные учреждения, самоуправления и их органы, полиция, вооруженные силы, общественная информация) (Druviete, 2013: 396).

В завершение можно сделать вывод, что вклад ЦГЯ в применение Закона и в укрепление статуса государственного является важной частью совокупности юридических, педагогических, лингвистических мероприятий. В языковой политике Латвии до сих пор есть много сложно решаемых вопросов, особенно, что касается создания мотивации и социолингвистических функций, важных для существования языка.

6. Центр государственного языка Латвии

ЦГЯ Латвии – учреждение, с 1993 года подведомственное Министерству юстиции Латвии. Центр был основан в 1992 году с целью осуществления государственной политики в области языка, а именно, для обеспечения реализации Закона о государственном языке, который вступил в силу 5 мая 1992 г.

Центр выполняет следующие функции:

- 1) Проводить мониторинг выполнения нормативных актов в области употребления государственного языка;
- 2) Защищать права и интересы пользователей государственного языка;
- 3) Определять употребление государственного языка в государственной области и общественной жизни в случаях, указанных в нормативных актах;
- 4) Способствовать организации культурной среды языка, особенно способствуя восстановлению и защите топонимов государства;
- 5) Способствовать полноценному функционированию латышского языка в институтах ЕС;

¹ “Ikviens cita Latvijas Republikā lietotā valoda, izņemot lībiešu valodu, šā likuma izpratnē ir uzskatāma par svešvalodu”. Valsts valodas likums 1999: likumi.lv/doc.php?id=14740

- 6) Делать официальные переводы на латышский язык обязывающих международных договоров и конвенций, а также соответствующих документов применения нормативных актов ЕС;
- 7) Переводить законодательные акты Латвийской Республики на языки стран ЕС;
- 8) Переводить документы, связанные с действиями НАТО, на латышский язык;
- 9) Подготовить предложения для употребления в нормативных актах единой терминологии, соответствующей нормам латышского языка;
- 10) Разрабатывать и развивать методiku переводов законодательства (Правила ЦГЯ).

Чтобы выполнить эти функции, была создана Инспекция государственного языка (Valsts valodas inspekcija), которая контролирует выполнение нормативных актов государственного языка (Baltiņš et. al. 2007: 86). На данный момент в инспекции работают 17 человек. В течение года инспекция проверяет в среднем 3 200 учреждений. В результате составляются административные протоколы, предписания и проверочные акты. Частыми нарушениями считаются неупотребление государственного языка при выполнении профессиональных обязанностей в необходимом объеме, реализация импортного товара без обеспечения перевода информации о товаре на латышский язык, а также необеспечение перевода открытых заявлений или других текстов на государственный язык. Инспекция играет важную роль в обеспечении надзора и информационно-консультативных функций в период изменения иерархии применения языка (там же: 87). Уже три года у инспекторов есть добровольцы – помощники, которые должны заботиться о правильности латышского языка, исправлять ошибки и подсказывать, но не имеют полномочий привлечения к административной ответственности (Kokareviča 2015).

Со вступлением в силу языкового закона для урегулирования отношения государства и индивидуума началась аттестация работников. Первый этап (май – декабрь 1992 г.) продлился почти 7 месяцев. В соответствии с Правилами аттестации государственного языка, ее проходили те работники, в профессиональные обязанности которых входила коммуникация с жителями или делопроизводство. Остальные работники могли проходить аттестацию добровольно. Аттестацию не проходили люди, получившие среднее образование на государственном языке. В правилах были указаны три степени компетентности в языке в соответствии с занимаемой должностью. В министерствах и самоуправлениях были созданы языковые комиссии, а каждый руководитель предприятия создавал комиссию по аттестации. Использовались комплекты билетов, созданных министерством, самоуправлением или подтвержденных Главной комиссией аттестации государственного языка. Таким образом, в первый период аттестацию бесплатно прошли 153 000 человек (Valsts valodas centrs 2002: 15).

В 1993 году начался второй период аттестации. Было создано 40 постоянных языковых комиссий. В каждой комиссии было 5 человек, трое из них должны были быть специалистами латышского языка. Была усовершенствована методика проверки языковой компетенции, большее внимание было обращено на свободный разговор, то есть был введен метод так называемого интервью вместо системы билетов. С 1993/1994 учебного года в школах с нелатышским языком обучения аттестация была совмещена с экзаменом по языку.

В процессе аттестации отмечены отдельные тенденции:

- аттестацию языка проходило большое количество жителей Латвии, которые являются ее гражданами, но не получили свое образование на латышском языке. Они составляют примерно 30%, в регионе Латгалии – 70%;
- постепенно увеличивается количество тех людей, которые заинтересованы в улучшении своей языковой компетенции, например, в 1998 г. второй раз проходило аттеста-

цию 3000 человек. Это, несомненно, указывает на увеличение значимости латышского языка в построении карьеры, самовыражении личности и повышении самооценки человека;

- с каждым годом увеличивается количество иностранных граждан, которые проходят аттестацию.

Приравнивание владения языком к критериям профессиональной квалификации стало важным фактором при мотивировании к изучению языка. Об этом свидетельствуют и данные проведенного в 1996 г. Институтом латышского языка социолингвистического опроса. На вопрос, какие события способствовали изучению латышского языка, получены следующие ответы: аттестация владения языком (62,5%), проверка языковой компетенции для получения гражданства (25,3%), работа Инспекции государственного языка (5,7%), другие мероприятия и события (6,5%).

В 1996 г. ЦГЯ реализовал свой основной тезис – обеспечить единую координацию вопросов проверки языковой компетенции и объективность оценивания. Было решено передать функцию проверки языковой компетенции Центру образования¹, а проверку языковой компетенции для получения гражданства – Управлению натурализации². ЦГЯ осуществляет языковые консультации, социолингвистические исследования и проекты, сотрудничает с комиссией по терминологии, принимает участие в других мероприятиях. Вклад ЦГЯ в укрепление статуса латышского языка является важной частью в совокупности юридических, педагогических, лингвистических мероприятий, которые осуществлены Сеймом, Кабинетом Министров, Министерством Образования, Управлением Натурализации, Службой Государственной Занятости, самоуправлениями, Комиссией по Терминологии и другими учреждениями.

7. Характеристика материала

На странице ЦГЯ (vvc.gov.lv/advantagecms/LV/aktualitates/index.html) 16 января 2015 г. появилось обращение или даже призыв говорить на рабочем месте на латышском языке. В обращении говорилось, что ЦГЯ получил несколько заявлений о том, что там, где работники выполняют свои служебные обязанности в присутствии посетителей, например, в магазинах, общественном транспорте, офисах и учреждениях, они общаются между собой на иностранном, чаще всего русском языке. Жители также задают ЦГЯ вопросы о том, почему должностные лица дают интервью СМИ на иностранных языках.

Одной из целей Закона о государственном языке является сохранение, защита и развитие латышского языка (<https://likumi.lv/doc.php?id=14740>). Закон о государственном языке не распространяется на использование языка в неофициальном общении жителей Латвии, но если общение работников между собой слышат другие люди – пассажиры общественного транспорта, посетители офисов и учреждений, покупатели в магазинах, – то такое общение нельзя считать неофициальным³. «Поэтому недопустимо, чтобы работники, выполняя служебные и профессиональные обязанности, общались между собой на иностранном языке» (там же). По мнению ЦГЯ, государственные должностные лица в интервью для СМИ, особенно зарегистрированных в Латвийской Республике, должны пользоваться только латышским языком, высказывая тем самым уважение к Латвии и государственному языку. ЦГЯ напомнил также, что 2015 год важен для Латвии,

¹ Центр образования является государственным учреждением в непосредственном подчинении министра образования и науки. Центр обеспечивает единое развитие экзаменов основного, среднего и среднего профессионального образования, а также проверки языковой компетенции (vvc.gov.lv/en).

² Управление натурализации является частью Управления по делам гражданства и миграции и осуществляет проверки языковой компетенции для получения гражданства (pmlp.gov.lv/ru/home-ru/ob-upravlenii).

³ Aicinājums lietot valsts valodu savās darbavietās [Призыв использовать государственный язык на своих рабочих местах], vvc.gov.lv/advantagecms/LV/aktualitates/index.html

ибо она выполняет обязанности президентствующей в ЕС страны, и латышский язык является одним из официальных языков ЕС. «Не будем забывать, что Латвия – единственное место в мире, где может быть гарантировано существование и развитие латышского языка, а сужение сферы использования латышского языка как государственного на территории страны следует считать также угрозой для его статуса. Поэтому призываем каждого работодателя обсудить с работниками важность использования государственного языка при выполнении профессиональных обязанностей, а также всех должностных лиц использовать государственный язык, давая интервью СМИ».

Для исследования обращения ЦГЯ Латвии был проведен отбор статей из разных интернет-изданий России в период с 19 по 22 января 2015 г. Ключевые фразы при поиске были: *русский язык в Латвии, обращение Центра государственного языка, русский язык на работе*. Общая выборка состоит из 20 статей (см. Приложение). Источниками были российские новостные порталы Gazeta.ru, Russian RT, «Аргументы и факты», «РУ экономикс», «Ридус» и др. Обращение ЦГЯ вышло в пятницу, реакция началась именно в понедельник 19 января. Статьи и издания были отобраны с целью выявить языковые средства, при помощи которых российские СМИ представляют обращение ЦГЯ, а также показать, каким образом *обращение ЦГЯ трансформируется в запрет*.

8. Методология

Интерпретативный феноменологический анализ изначально развивался как качественное исследование в психологии (Hood 2016: 165). Его целью является изучение уникальных значений, которые люди придают определенному опыту, а также соотношение этих значений с личным культурным контекстом человека и опытом других (Shaw 2001; Hood 2016; MacDonald 2016). Предметом феноменологического анализа является понимание и придание значения опыту столкновения с тем или иным явлением, а также выделение уникальных и общих элементов явления.

Философская основа термина лежит в области феноменологии и герменевтики. Феноменологический метод включает в себя «понимание лично пережитого опыта, а также изучение отношений людей или их связь с конкретным событием или процессом» (Smith et al. 2009: 40; Hood 2016: 165). Smith et al. (2009) применяют понятие *герменевтического круга* и тем самым подчеркивают, что оно редко включает в себя линейное движение от данных к результатам. Вместо этого они создают рефлексивный и динамический процесс взаимодействия целей исследователя, теорий и предвзятых мнений, опыта участников.

Есть два основных принципа феноменологического анализа. Во-первых, феномен должен исследоваться изнутри без предварительных предвзятых представлений. Во-вторых, люди не являются пассивными при восприятии объективной реальности, а создают объекты опыта, интерпретируя переживание (MacDonald, 2016, 21). Первый из принципов исходит из работ Гуссерля (Husserl 1982, цит. по Smith et al. 2009), который предложил, что при рассмотрении явление нельзя разбирать с точки зрения научной гипотезы: явление нужно трактовать как данность. Гуссерль изучал собственный опыт, направленный на интроспекцию. Деннет (цит. по Moran 2000: 15) обозначает это термином *автофеноменология*, который заменяется социологами на *гетерофеноменологию* – рассмотрение явлений, которые переживаются другими людьми. Внимание направлено на живую субъективную реальность в ее конкретном социальном и культурном контексте (MacDonald 2016: 21).

Второй принцип феноменологического анализа относится к чувственному восприятию участников и интерпретационной функции исследователя. Индивидуум входит в мир с багажом образов, теорий, ценностей и идей, которые имеют социальное происхождение и применяются к опыту, чтобы сделать его значимым. Именно этот багаж знаний используется для интерпретации опыта и достижения межсубъектного понимания (MacDonald 2016: 22). В основе интерпретационного аспекта исследования лежит двойная герменевтика, когда участник интерпретирует собственный опыт, в свою очередь

исследователь использует собственные знания для интерпретации нарратива участника. Таким образом, исследователь развивает вторичную интерпретацию, связывая индивидуальный случай со всем набором данных и научными теориями (там же). Феноменологический метод является циклическим процессом, где исследователь знакомится с текстом, определяет предварительные темы, группирует их и составляет сводную таблицу (Biggerstaff et. al. 2008).

Интерпретация события фиксирует временный опыт человека. В процессе интерпретации человек и язык связаны. В свою очередь в сфере, которую образует язык, закрепляются смыслы. Одной из языковых сфер являются СМИ, которые освещают сущность события, субъективно его наполняют словами, основываясь на опыте и интерпретации. Особый интерес представляет именно интерпретация события – обращения ЦГЯ, где интерпретируется как само обращение, так и русскоязычный источник, который первым осветил явление.

9. Анализ материала

Большинство публикаций ссылаются на статью на странице русскоязычной газеты Vesti.lv. Статья на странице Vesti.lv была одна из первых, которая осветила данное обращение. (16.01.2015. 21:09). Предполагается, что отправной точкой для российских СМИ послужила именно эта статья. «Вести Сегодня» – это ежедневная общественно-политическая русскоязычная газета в Латвии, издается с 1999 г., входит в издательский дом «Вести». Заголовок «Центр госязыка: русские должны друг с другом говорить по-латышски» уже категоричен: использовано изъявительное наклонение, а также прилагательное *должен* в его втором значении: «обязан сделать что-нибудь». На самом деле заголовок исконного текста – призыва ЦГЯ (текст на латышском языке) звучит следующим образом: *Призыв использовать государственный язык на своих рабочих местах.*

Заголовки и лиды российских СМИ несут воздействующую функцию, они категоричны, уже в них происходит подмена понятий:

В Латвии запретили прилюдно говорить не по-латышски.

В Латвии на работе запретили говорить на русском языке.

В Латвии запрещают говорить по-русски в присутствии латышей.

В Латвии ввели запрет на русскую речь.

В Латвии запретили говорить при свидетелях не по-латышски.

Центр госязыка Латвии требует от жителей разговаривать на рабочих местах только на латышском языке.

В Латвии запретили разговаривать на русском языке. Использовать его нельзя работникам при выполнении служебных обязанностей.

Везде используется топоним *Латвия*, а также глагол *запретить*, производное от него существительное *запрет* или глагол *требовать*, что является подменой понятий или рекатегоризацией. В некоторых заголовках также указаны обстоятельства: *в присутствии латышей, при свидетелях*. В некоторых заголовках русский язык указан неточно, путем перифраза *на иностранном языке, не по-латышски*. Заголовки статей уже звучат безапелляционно, именно эти заголовки настраивают читателя на отрицательное восприятие событий по дальнейшему тексту. В заголовках используются вопросительные конструкции на основе невопросительной: *В Латвии русский язык на рабочем месте под запретом?*, что эксплицитно указывает на запрет, модальность высказывания в свою очередь указывает на некоторые сомнения, поэтому употреблен вопросительный знак.

В некоторых заголовках использованы этнонимы: *Латышам запретили говорить по-русски на рабочем месте, Латышам запретили разговаривать на работе на иностранных языках*, что указывает на языковые установки самих латышей, а именно приспособляемость к собеседнику; а в некоторых объект обобщается: *Жителям Латвии официально запретили разговаривать на русском языке* или *Латвийцам запретили говорить на работе не по-латышски*. Заголовок более общий и некатегоричен. Авторы используют этнохороним *латвийцы* или перифраз *жители Латвии*, что не уточняет национальность.

В других заголовках использованы яркие метафоры: «“Языковое гестапо”»: в Латвии запретили прилюдно говорить по-русски». При поиске словосочетания “языковое гестапо” в Интернете находись статьи лишь о ЦГЯ Латвии. Метафора “языковое гестапо” практически всегда употребляется для описания ЦГЯ, вероятно, из-за языкового контроля на рабочих местах, ссылая на тайную государственную полицию фашистской Германии в контексте языкового вопроса обостряет отношение к языковой политике Латвии.

Практически во всех статьях происходит подмена понятий, и *обращение* синонимизируется со словом *правило* (*правило будет распространяться практически на всех работников; правило будет в первую очередь распространяться на сотрудников магазинов, кафе и транспорта; правило касается практически всех работников*), что имеет иное значение: «Постановление, предписание, устанавливающее порядок чего-нибудь. *Правила внутреннего распорядка. Правила уличного движения*».

Вероятно, что именно позиционирование *обращения* или *призыва* на добровольной основе как *правила* заостряет внимание читателя на лексеме в значении установки: «Правило будет распространяться практически на всех работников» – по сути цитата из текста портала Vesti.lv, в котором автор использовал именно эту лексему.

Рекомендация позиционируется как *требование* в его втором значении: «настоятельная просьба, желание, выраженное в категорической форме»: *требование говорить на рабочих местах только на латышском языке; Требование будет распространяться практически на всех работников; В первую очередь требование касается сотрудников сферы обслуживания; требование будет распространяться практически на всю профессиональную сферу*.

Происходит подмена важных понятий. Используется также неточный пересказ, когда в настоящем обращении ЦГЯ фраза звучит: «По мнению ЦГЯ, государственные должностные лица, давая интервью в СМИ, особенно зарегистрированных в Латвийской Республике, должны бы пользоваться только латышским языком, высказывая тем самым уважение к Латвийскому государству и государственному языку». Центр использует условное наклонение (*должны бы пользоваться*), а также деепричастие (*высказывая*) как синонимические конструкции.

Авторы статей российских СМИ, которые ссылаются на Vesti.lv, неточно пересказывают эту ключевую мысль, вырванную из контекста фразу, и она становится в результате общеизвестной: «Отмечается, что русские, разговаривая друг с другом по-русски угрожают латышскому языку и высказывают неуважение латышам». Такое построение мысли развивает оппозиции: «русские – латыши», «русский язык – латышский язык».

Журналисты весьма остро описывают ситуацию: персонифицируют агентов – указывают, кто это совершает, говорит и употребляет; употребляют этноним *русские*, таким образом прямо подчеркивая национальность, конкретизируют действие – разговаривают друг с другом по-русски, используют изъяснительное наклонение, описывают «страшные» последствия – угрожают латышскому языку и высказывают неуважение латышам. Имплицитно – раз не говорят на государственном языке, то автоматически угрожают латышскому языку и высказывают неуважение латышам. Фраза также трансформирована дальше: «что русские, разговаривая друг с другом на родном языке угрожают латышскому языку и высказывают неуважение латышам» (russian.rt.com/article/69686).

Употребляя словосочетание *на родном языке*, приравнивают друг к другу оба языка, давая им равные права – русский является родным языком для русскоговорящих, а латышский для латышей. Авторы критикуют запрет говорить на родном языке. Это противоречит Международному пакту о гражданских и политических правах, а также тому, что языковой закон не регламентирует область неформального общения. Упоминается также, что в требовании «имеется оговорка в отношении того, что общение не на латышском языке допускается за пределами общественных мест и офисов». В оригинальном

обращении подобной оговорки нет. Негативное отношение авторы высказывают, используя экспрессивные эпитеты: *русофобская языковая политика, антироссийское требование, русофобские настроения*.

Употребляется обширный спектр дискредитирующих метафор, некоторые из них повторяются несколько раз для усиления эффекта. Преобладают военные метафоры: *языковое гестапо, оплот демократии, языковой геноцид, языковая полиция репрессий*, это имплицитно сравнивает языковой вопрос с борьбой. Используются метафоры смерти: *самоубийственное следование Риги, гибнущий организм Латвии, смертельный диагноз латвийскому государству*. Интересно, что метафоры с концептом смерти применены по отношению к Латвии, использованы олицетворенные топонимы – *Латвия* и *Рига*. Топонимами заменено правительство Латвии. Использована метафора нереального: *языковая охота на ведьм*, которая несет отрицательную коннотацию и сравнивает языковой надзор с инквизицией. Это формирует образную яркую модель мира.

Авторы статей также гиперболизируют события в настоящем и дают прогнозы на будущее: «В Латвии продолжают усиливаться русофобские настроения», «разговоры по-русски угрожают латышскому языку», «следующим шагом власти может стать массовое закрытие русских школ», «призвали заставить своих подчиненных говорить только на латышском языке», «власти страны видят в распространении русской речи угрозу национальному языку», «попытка унижать людей нетитульной национальности», «Латвия в один момент лишилась и экономических выгод и широких культурных связей, сложившихся за годы нашей совместной истории».

Латыши имплицитно обозначаются как правоправные граждане своей страны. Прилагательное *нетитульный*, («попытка унижать людей нетитульной национальности и лишение их права говорить на родном языке ведет к накоплению в обществе потенциала враждебности») употребляемое авторами, образовано от *титульный*. Имплицитно нетитульными названы русские в Латвии, также использована субстантивация как яркое стилистическое средство создания иронии (Валгина, 1978). Русские названы *людьми второго сорта*. Латвия позиционирована как националистская страна: государство «должно культивировать в себе национализм».

Автор статьи на странице Центра Льва Гумилева для характеристики языковой ситуации и убедительности апеллирует к цифровым сведениям: *[русский] является родным для 44% жителей республики, 319 тысяч [неграждан], в Латвии действуют около 100 школ, 60% предметов там должно преподаваться на государственном (латышском) языке, в прошлом году 50 учителей были наказаны за недостаточное владение государственным языком», «по сравнению с 2013 годом этот показатель вырос примерно втрое, не сдавшие тест могут быть оштрафованы на сумму от 35 до 280 евро, наказанным дается срок три-четыре месяца, чтобы улучшить знание языка, с 2018 года латвийские власти планируют перевести все школы страны исключительно на латышский язык, по распространенности русский язык стоит в Латвии на втором месте, дома на нем разговаривают 34 процента жителей Латвии, и это при том, что доля этнических русских составляет 27 процентов, через 20 лет независимости Латвии, русская речь таким образом, попадает под запрет – наказание за ее применение представляет собой штраф в размере от 200 до 400 €*. Авторы прибегают к экономическим показателям и числам: *три четверти ВВП; 20 процентов иностранных туристов в Латвии из России; в Латвии проживает около 30 процентов этнических русских; Латвию ежегодно посещало более 100 тысяч российских туристов; они оставляли в этой стране более 160 млн. евро в год; но уже в 2014 г. число российских туристов, встречавших Новый год и Рождество в Латвии, было в 2 раза меньше, чем годом ранее; сокращение турпотока составило около 30%; лишит государственный и городской бюджеты не менее 25 млн евро; ущемление прав и свобод почти 600 тысяч русских, проживающих в Латвии*. Числа придают сообщению объективность и доказательность (Тертичный 2006: 76).

Описывая существующую ситуацию, авторы прибегают к упоминанию значительного количества имен собственных как фоновых объектов – участников языкового вопроса как с одной, так и с другой политической стороны: бывший президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга, правозащитники Владимир Линдерман, Елизавета Кривцова и Александр Гапоненко, руководитель регионального отделения Центра госязыка Сармите Павулена, посол Латвии в России Астра Курме, глава Совфеда Константин Косачев.

Для убедительности авторы ссылаются на фоновые события 10-летней давности – школьную реформу 2004 г.: «Притеснение негосударственных языков началось в Латвии еще в 2004 году, после того, как тогдашний президент Вайра Вике-Фрейберга подписала изменения в закон “Об образовании”, предусматривающие перевод школ нацменьшинств на латышский язык обучения». Ссылка на экс-президента персонифицирует проблему.

Отсылают к случаю с мероприятием на русском языке: «его [ЦГЯ] служащие в 2011 году даже Деда Мороза из Великого Устюга оштрафовали за то, что говорил на русском», к запрету высылать письма на профилактический осмотр на русском языке: «Центр Госязыка запретил Национальной службе здоровья высылать на русском языке приглашение женщинам прийти на профилактический осмотр для выявления онкологических заболеваний», референдум по законопроекту «Поправки к конституции Латвийской Республики»: «в 2012 году они [неграждане] потребовали проведение референдума, желая придать русскому языку статус второго государственного»; ссылаются также на события на Украине (*украинский сценарий*), и в пример ставят языковую политику Швейцарии и Финляндии. Приводя все эти ситуации, авторы стремятся показать и некую абсурдность проблематики. Ссылка на события в Украине указывает, что последствия этого могут быть совсем не мирными.

Использованы отсылки к фоновому материалу типа литературных произведений: роман Ф. Достоевского «Униженные и оскорбленные», аллюзия в заголовке: «Русский язык до Риги не доведет», которая является перефразированной поговоркой «Язык до Киева доведет», что означает, что, расспрашивая людей, можно добраться куда угодно. Здесь как раз путем перифраза имплицитно показано, что на русскую речь отвечать не будут. Фоновый материал создает интертекстуальность и раскрывает неоднозначность, трагичность, остроту и глубину поднимаемого вопроса.

Публицисты подробно обрисовывают картину будущего: «А если в общественных местах среди сотрудников услышат русскую речь, это будет считаться неуважением к стране», «Теперь в Риге без знания латышского языка туристы из России не смогут заселиться в гостиницу или купить продукты в магазине». Описаны последствия языковой политики в Латвии: «теперь молодые латыши не могут устроиться на работу в частном секторе, потому что не знают русский язык», «данную ситуацию хотели отрегулировать законодательно, пытаясь запретить “необоснованные требования знания иностранных языков” при приеме на работу». Таким образом показывают, как запрет русского языка отразится на экономике Латвии.

Ажиотаж в прессе вызвал также действия: объединение «Молодая Гвардия» провело одиночный пикет у посольства Латвии в связи с так называемым *запретом* русского языка. Активист с заклеенным ртом выступил с заявлениями, изображенными на плакатах: «Не надо запрещать язык Пушкина и Достоевского!», «Не говорю на латышском – лишили языка!».

Интересно, что в то время как ЦГЯ ссылается на 2015 г. как год председательства Латвии в ЕС, таким образом подчеркивая важность этого времени, руководитель «Молодой Гвардии» ссылается на 2015 г. как год литературы, который проводится в России: «Особенным кощунством запрет, инициированный Центром госязыка Латвии, выглядит в год литературы, который проводится в 2015-ом в России. Нашим соотечественникам запрещают говорить на языке наших классиков: Достоевского, Толстого, Пушкина». Особо

подчеркивается, что это не только запрет русского языка как языка меньшинств Латвии, но и языка литературных классиков, что как будто легитимирует его использование в остальных сферах.

В проанализированных текстах проходит вторичная и третичная цитация – практически все издания ссылаются на Vesti.lv, используют уже распространенные фразы из текста, хотя публикация не является первичным текстом. Некоторые издания ссылаются на другие российские издания, которые тоже изначально цитировали Vesti.lv, так что первичный текст путем подмены понятий, экспрессивных лексем и метафор трансформируется. В сущности, первичный текст неверно цитируется и создает дезинформацию. Издание «Аргументы и факты», когда недоразумение было исчерпано, сняли статью с новостного портала, и была проведена работа с ее архивной копией. Уже через три дня статья «Латышам запретили говорить по-русски на рабочем месте» была доступна лишь в архивной копии. В небольшой по объему статье говорилось, что ЦГЯ выпустил «обращение, в котором запрещается разговаривать на рабочих местах на иностранном языке».

10. Заключение

Из-за исторических событий ситуация с использованием русского языка в Латвии приобрела определенные политические коннотации, что проявляется как основной элемент языковых установок. В данной статье показаны манипулятивные практики российских СМИ и то, каким образом рекомендация ЦГЯ превращается в запрет.

Центр государственного языка (ЦГЯ) – государственное учреждение Латвии, с 1993 г. подведомственное Министерству юстиции Латвии. Центр был основан в 1992 г. с целью осуществления государственной политики в области языка, а именно, для обеспечения реализации Языкового закона, который вступил в силу 5 мая 1992 г.

16 января 2015 г. на странице ЦГЯ появилось обращение (призыв) говорить на рабочем месте на государственном языке. Инициатива ЦГЯ вызвала ажиотаж в СМИ России. Тема статей и заметок за три последовавших дня – запрет русского языка на территории Латвии. Авторы статей дезинформируют читателя, заостряют внимание на языковой оппозиции *русский-латышский*, используя этнонимы *русские – латыши*, этнохоронимы в номинации, приравнивая фактически разные понятия. Автохтонное население характеризуется как титульное.

Негативное отношение авторов к событиям показано яркими эпитетами, метафорами, гиперболами, ссылками на фоновый материал (литературные произведения, события в истории языковой ситуации Латвии, персоналии, прецедентные тексты и их перифразирование), что создает интертекстуальность и обостряет отношение к языковой политике. Олицетворенные топонимы символизируют правительство Латвии, зарисована картина будущего Латвии – проблемы в экономике, уменьшение потока туристов, использованы метафоры смерти, что заостряет внимание на проблематике. Апелляция к числовым сведениям придает объективность и доказательность положениям.

Языковая политика как способ организации отношений между языками и обществом тесно связана с переменами в экономике, политике (созданием новых государств, изменениями идеологий). Язык может послужить причиной конфликта (May 2012: 159). Вследствие распада СССР были созданы исключительные условия для децентрализации русского как *lingua franca* и приоритизации автохтонного языка для стран, которые прежде были объединены языком и политической системой. Латвия представляет собой особенный случай, где наблюдается ассиметричный билингвизм, гибкость в многоязычном общении автохтонного населения – переход на язык собеседника. Роль языка как значимого политического фактора обсуждается активно в научной литературе, данную проблематику освещают СМИ.

Интернет играет важную роль в создании языковых установок. В представленном тематическом исследовании была поднята проблема интерпретации языкового планирования на российских интернет-порталах с помощью языковых приемов, приводящих к искажению фактов. Для выявления языковых средств был использован интерпретативный феноменологический анализ, а проанализированные статьи позволили выявить манипулятивные техники, которые, формируя образ языковой политики, дезинформируют читателя и могут привести к потенциальному конфликту интересов.

Приложение

- «News.ru: В Латвии запретили говорить при свидетелях не по-латышски». newsru.com/world/19jan2015/latv.html.
- «В Латвии ввели запрет на русскую речь». rusprav.tv/v-latvii-vveli-zapret-na-russkuyu-rech-15291.
- «В Латвии запретили прилюдно говорить не по-латышски». russian.rt.com/article/69686.
- «В Латвии запретили разговаривать на русском языке». spbdnevnik.ru/news/2015-01-19/v-latvii-bolshe-nelzya-govorit-po-russki.
- «В Латвии запрещают говорить по-русски в присутствии латышей». ridus.ru/news/176412.
- «В Латвии на работе запретили говорить на русском языке». 1news.az/world/20150119013307009.html.
- «В Латвии на работе запретили говорить на русском языке». gazeta.ru/social/news/2015/01/19/n_6836985.shtml.
- «В Латвии на работе запретили говорить на русском языке». tert.am/ru/news/2015/01/20/lat/1564399.
- «В Латвии русский язык на рабочем месте под запретом?». xn-b1ae2adf4f.xn-p1ai/politics/in-world/22649-v-latvii-russkiy-yazyk-na-rabochem-meste-pod-zapetom.html.
- «Жителям Латвии официально запретили разговаривать на русском языке». kursk.com.
- «Косачев: запрет русского языка на работе в Латвии ведет к враждебности». ria.ru/world/20150120/1043421475.html.
- «Латвийцам запретили разговаривать на работе не по-латышски». rueconomics.ru/31309-latviytsam-zapretili-razgovarivat-na-rabote-ne-po-latyishski.
- «Латышам запретили говорить по-русски на рабочем месте». webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:WNepV02sERsJ:argumentiru.com/world/2015/01/386588+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=cz.
- «Латышам запретили разговаривать на работе на иностранных языках». justmedia.ru/news/russiaand-world/latysham-zapretili-razgovarivat-na-rabote-na-inostrannyh-yazykax.
- «Официальное обращение с призывом к жителям страны выпустил Центр государственного языка прибалтийского государства». kp.ru/daily/26330/3214165.
- «Русский язык до Риги не доведет». tass-analytics.com/positions/3711.
- «У посольства Латвии проходит одиночный пикет за русскую речь». mger2020.ru/nextday/2015/01/20/77926.
- «Центр госязыка Латвии требует от жителей разговаривать на рабочих местах только на латышском языке». 1tv.ru/news/world/276222.
- «Центр госязыка: русские должны друг с другом говорить по-латышски.» Vesti.lv.vesti.lv/news/centr-gosyazyka-russkie-dolzheny-drug-s-drugom-govorit-po-latyshski.
- «“Языковое гестапо”: в Латвии запретили прилюдно говорить по-русски». vesti.ru/doc.html?id=2288762.

Литература

- Валгина, Н. (1978) *Синтаксис современного русского языка*. Москва: Высшая школа.
- Тертичный, А. (2006) Цифра – материя тонкая. *Журналист*, 1, 76–77.
- Alksnis, V. (1991) Sufferering from self-determination. *Foreign Policy* 84, 61–71.
- Blommaert, J. (2006) Language policy and national identity. In: Ricento, T. (ed.) *An Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Oxford: Blackwell, 238–254.
- Balodis, P.; Baltiņš M.; Ernstsone V.; Ernštreits V.; Kļava G.; Liepa D.; Motivāne K.; Muhka I.; Oga J.; Papule E.; Valdmanis J.; Vulāne A. (2011) *Valodas situācija Latvijā 2004–2010*. Rīga: Latviešu valodas aģentūra.
- Biggerstaff, D.L.; Thompson, A. (2008) Interpretative phenomenological analysis (IPA): A qualitative methodology of choice in healthcare research. *Qualitative Research in Psychology*, 5(3), 214–224.
- Centrālā Statistikas pārvalde*. (2015) Latvijas iedzīvotāju etniskais sastāvs. csb.gov.lv/sites/default/files/skoleniem/iedzivotaji/etniskais_sastavs.pdf
- Cooper, R. (1989) *Language Planning and Social Change*. New York: Cambridge University Press.
- Data Serviss. (2009) *Pārskats par pētījumu „Valodas situācijas sociolingvistiskā izpēte”*. Rīga: Data Serviss.
- Druviete, I. (1997) Vēlreiz par Valsts valodas likumprojektu. *Latvijas Vēstnesis* 289. vestnesis.lv/ta/id/45668
- Druviete, I. (1998) *Latvijas valodas politika Eiropas Savienības kontekstā*. Rīga: LZA Ekonomikas inst.
- Druviete, I. (2010) Latviešu valoda kā valsts valoda: simboli, saziņas līdzeklis vai valstiskuma pamats? In: Cimdiņa, A., Hanovs D. (eds.) *Latvija un latviskais. Nācija un valsts idejās, tēlos un simbolos*. Rīga: Zinātne, 123–153.

- Druviete, I. (2013) Valodas situācija un valodas politika. In: Veisbergs, A. (ed.) *Latviešu valoda*. Rīga: LU akadēmiskais apgāds, Latvijas Universitāte, 393–414.
- Ernstsons, V.; Hirša, Dz.; Joma, D.; Kļava G.; Liepa, D.; Motivāne, K.; Valdmanis, J. (2008) *Valsts valodas likums: vēsture un aktualitāte*. Rīga: Zinātne.
- Baltiņš, M.; Druviete, I.; Veisbergs, A. (eds.) (2007) *Latviešu valoda 15 neatkarības gados: lingvistiskā situācija, attieksme, procesi, tendences*. Rīga: Zinātne.
- Giddens, A. (1998) *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity Press.
- Haugen, E. (1983) The implementation of corpus planning: Theory and practice. *Progress in Language Planning: International Perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter, 269–290.
- Hogan-Brun, G.; Mar-Molinero, C.; Stevenson, P. (eds.) (2009) *Discourses on Language and Integration: Critical Perspectives on Language Testing Regimes in Europe*. Amsterdam: J.Benjamins.
- Hogan-Brun, G.; Ozolins, U.; Ramonienė, M.; Rannut, M. (2007) *Language Policies and Practices in the Baltic States*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Hood, R. (2016) Combining phenomenological and critical methodologies in qualitative research. *Qualitative Social Work*, 15(2), 160–174.
- Hornberger, N. (2006) Frameworks and models in language policy and planning. In: Ricento, T. (ed.) *An Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Oxford: Blackwell, 24–41.
- Knowles, F. (1989) Language planning in the Soviet Baltic Republics: An analysis of demographic and sociological trends. In: Kirkwood, M. (ed.) *Language Planning in the Soviet Union*. London: Macmillan, 145–173.
- Kokareviča, D. (2015) Valsts valodas inspektori nevis rās vai kauninās, bet palīdzēs. *Latvijas Avīze*. la.lv/nevis-ras-vai-kauninas-bet-palidzes
- MacDonald, M. (2016) Parenthood and Open Adoption. *An Interpretative Phenomenological Analysis*. London: Palgrave Macmillan.
- May, S. (2012) *Language and Minority Rights: Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*. London: Routledge.
- Ministru kabinets. (2014) Par Valsts valodas politikas pamatnostādņēm 2015–2020 gadam likumi.lv/doc.php?id=270016.
- Moran, D. (2000) *Introduction to Phenomenology*. London: Routledge.
- Oakes, L. (2001) *Language and National Identity: Comparing France and Sweden*. Amsterdam: Benjamins.
- Oakes, L. (2005). From internationalisation to globalisation: Language and the nationalist revival in Sweden. *Language Problems and Language Planning*, 29(2), 151–176.
- Ozoliņš, U. (1999) Between Russian and European hegemony: current language policy in the Baltic states. *Current Issues in Language and Society*, 6(1), 6–47.
- Ozoliņš, U. (2011) Language Policy and Smaller National Languages: The Baltic States in the New Millenium. In: Norrby, C.; Hajek, J. (eds.) *Uniformity and Diversity in Language Policy. Global Perspectives*. Bristol: Multilingual Matters, 37–52.
- Ozoliņš, U. (2013) Language Problems as Constructs of Ideology. *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. Hoboken, New Jersey: Willey-Blackwell, 3107–3116.
- Pavlenko, A. (2011) Language rights versus speakers' rights: on the applicability of Western language rights approaches in Eastern European contexts. *Language Policy* 10(1), 37–58.
- Pavlenko, A. (ed.) (2008) *Multilingualism in Post-Soviet Countries*. Bristol: Multilingual Matters.
- Philipson, R.; Skutnabb-Kangas, T. (1996) English only worldwide or language ecology? *TESOL Quarterly* 30, 429–452.
- Priedīte, A. (2005) Surveying Language Attitudes and Practices in Latvia. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 26(5), 409–424.
- Ricento, T. (2000) Historical and theoretical perspectives in language policy and planning. *Journal of Sociolinguistics* 4, 196–213.
- Schiffman, H. (2006) Language Policy and Linguistic Culture. In: Ricento, T. (ed.) *An Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Oxford: Blackwell, 111–124.
- Shaw, R. (2001) Why use interpretative phenomenological analysis in health psychology? *Health Psychology Update* 10(4), 48–52.
- Shohamy, E. (2006) *Language policy: Hidden agendas and new approaches*. London: Routledge.
- Skujiņa, V. (ed.) (2007) *Valodniecības pamatterminu skaidrojošā vārdnīca*. Rīga: LVI.
- Skutnabb-Kangas, T., Philipson, R. (1994) (eds.) *Linguistic Human Rights: Overcoming Linguistic Discrimination*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Smith, J.; Flowers, P.; Larkin, M. (2009) *Interpretative Phenomenological Analysis: Theory, Method and Research*. London: Sage.
- Statistika: naturalizācija. Pilsonības un migrācijas lietu pārvalde. pmlp.gov.lv/lv/statistika/Naturalizacija.html.
- Stilz, A. (2009) Civic nationalism and language policy. *Philosophy & Public Affairs*, 37(3), 257–292.
- Valdmanis, J. (2012) Mazākumtautību izglītības programmu skolēnu, vecāku, skolotāju lingvistiskā attieksme. *Vārds un tā pētīšanas aspekti* 16(2). Liepāja: Liepājas Universitāte, 291–300.
- Valsts valodas centra nolikums. likumi.lv/doc.php?id=104521.

- Valsts valodas centrs. (2002) *Valodas politikas īstenošana Latvijā: Valsts valodas centrs 1992–2002*. Rīga: Valsts valodas centrs.
- Valsts valodas likums. (1999) likumi.lv/doc.php?id=14740.
- Volkovs, V. (2000) Krievvalodīgās jaunatnes dzimtās valodas vieta integrācijas procesā Latvijā. In: Vēbers, E. (ed.) *Integrācija un etnopolitika*. Rīga: Jumava, 240–251.
- Wright, S. (2016) *Language Policy and Language Planning. From Nationalisation to Globalisation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.